

Нестандартное множественное число в тантинском даргинском

Ю.А. Ландер (Институт востоковедения РАН, Москва)

Как известно, многие даргинские идиомы разрешают образование форм множественного числа от имен, указывающих на уникальные объекты. При этом обычно используется особый суффикс, который имеет в зависимости от диалекта форму *-хъали*, *-хъале*, *-хъалли*, *-хъал*, *-хал* [Мусаев 1980: 50; З. Абдуллаев 1993: 159; Темирбулатова 2004: 82-83] и выражает не аддитивную множественность ('множество объектов, описываемых основой'), а ассоциативную ('множество объектов, включающее «фокусный» объект, описываемый основой, и связанные с ним объекты'); ср. *неш-хъали* 'мать и те, кто с ней' [З. Абдуллаев 1993: 160], о противопоставлении аддитивная vs. ассоциативная множественность см. в первую очередь [Даниэль 2000]. Ниже вопрос о таких формах рассматривается для тантинского даргинского – говора с. Танты Акушинского района Дагестана, который, по-видимому, относится к южной группе даргинских диалектов (традиционно тантинский говор относят к цудахарскому диалекту; см. [Гасанова 1971: 38]), но обнаруживает и следы влияния географически близкого северного акушинского диалекта.¹

Как и в других даргинских идиомах, в тантинском противопоставляются формы, образуемые стандартными суффиксами множественного числа (*-е*, *-не*, *-бе* и др.) и формы с показателем *-хъали*. Подобно литературному даргинскому, тантинский в целом ограничивает употребление *-хъали* именами собственными и терминами родства (в отличие, например, от ицаринского даргинского, где показатель ассоциативной множественности присоединяется и к некоторым неодушевленным именам с неуникальной референцией: ср. *гъинци-хъал* [яблоко-PL] 'яблоки и другие фрукты' [Sumbatova, Mutalov 2003]; как видно, такие ицаринские формы имеют не собственно ассоциативное, а симилятивное – 'X и подобные ему объекты' – значение). Тем не менее, как мы увидим, распределение *-хъали* в тантинском все же не совпадает с литературной нормой.

Формальный статус *-хъали*. С морфосинтаксической точки зрения, сочетания с *-хъали* обнаруживают некоторые примечательные свойства:

(i) «основа», к которой присоединяется показатель, может иметь собственные посессивные определения. Ср. *гъела ттатти-хъали* [ты:GEN отец-PL] 'твои родители / твой отец со своими друзьями / и т.д.' (диграф *гъ* условно используется для особой фонемы, встречающейся в некоторых даргинских диалектах, но не имеющей общепринятого обозначения): здесь по крайней мере при втором прочтении ('твой отец со своими друзьями') определение, очевидно, не может относиться ко всему множеству референтов, а значит, показатель *-хъали* сочетается уже со сложной группой *гъела ттатти* 'твой отец' (см. теоретическое обсуждение подобных конструкций в других языках в [Harris 2007]);

(ii) в отличие от обычных форм множественного числа, получающих во всех падежах, кроме абсолютного, косвенный суффикс *-а* (ср. *дис-б-а-ишу* [нож-PL-OBL-APUD] 'к ножам'), формы на *-хъали* сочетаются с косвенным суффиксом *-ли*, который обычно появляется при склонении в единственном числе (ср. *МяхГяммад-хъал-ли-ишу* [Магомет-PL-OBL-APUD] 'к Магомету и его семье' и *ккуми-ли-ишу* [мост-OBL-APUD] 'к мосту').

Обе эти особенности легко объясняются через происхождение показателя *-хъали*: согласно распространенной точке зрения, этот суффикс является результатом грамматикализации одного из употреблений слова *хъали* 'дом'. Тем не менее, синхронно, формы с *-хъали*, безусловно, трактуются как формы множественного числа вполне

¹ Тантинский материал собирался в марте 2008 г. совместно с Н.Р. Сумбатовой. Автор признателен М. Х. Мамаеву и Р. О. Муталову за помощь в организации сбора материала. Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (проект № 07-04-00266а).

закономерно: в отличие от лексемы *хъали*, формы с суффиксом *-хъали* согласуются по множественному числу (ср. *Муса-хъали б=ачI-иб* [Муса-PL NPL=приходить-PRET] ‘Пришли Муса и его семья’) и, разумеется, не допускают дополнительного маркирования множественности (ср. *хъулре, хъурле* ‘домá’ при невозможности **ттатти-хъул-ре*).

Ассоциативная и аддитивная множественность с именами собственными.

Имена собственные в тантинском даргинском практически всегда образуют формы множественного числа путем присоединения *-хъали* (исключение, по-видимому, составляет лишь форма *Ахъуши-не* ‘акушинцы’, образованная неассоциативным плюральным суффиксом от *Ахъушиша* ‘Акуша’; формы множественного числа от других топонимов не зафиксированы). Однако в тантинском даргинском подобные формы могут иметь как значение ассоциативной множественности, так и значение аддитивной множественности: *Гъиса-хъали* ‘Иса и его семья; Иса и его жена; Иса и те, кто с ним’ (ассоциативная множественность), ‘люди по имени Иса’ (аддитивная множественность), *Патимат-хъали* ‘Патимат и её семья; Патимат и её муж; Патимат и те, кто с ней’, ‘женщины по имени Патимат’ – это противопоставляет тантинский говор, в частности, литературному даргинскому (ср. следующее замечание из грамматики последнего: ‘Когда мы говорим *Алихъали*, мы не подразумеваем несколько лиц по имени «Али», а подразумеваем Али с его семьей, родом, товарищами» [С. Абдуллаев 1954: 94]).

Приведенные примеры показывают, что при интерпретации тантинских ассоциативов могут приниматься во внимание как фиксированные родственные отношения, так и нефиксированные отношения, обусловленные контекстом. При обозначении семьи или супружеской пары, как можно заметить, формы ассоциативной множественности образуются как от имен мужчин, так и от имен женщин, что типологически не универсально.

Ассоциативная и аддитивная множественность с терминами родства. Многие термины родства имеют две формы множественного числа – с показателем *-хъали* и с одним из стандартных плюральным суффиксов. Однако жесткое противопоставление между этими формами отсутствует. С одной стороны, форма на *-хъали*, как и в случае с именами собственными способна здесь выражать как ассоциативную, так и аддитивную множественность. Так, уже упоминавшаяся форма *ттатти-хъали* [отец-PL] легко переводится и как ‘отец и мать, отец и его семья, отец и те, кто с ним’ (ассоциативная множественность), и как ‘отцы из разных семейств’ (аддитивная множественность); аналогичная многозначность в отсутствие контекста обнаруживается и у других форм вроде *неш-хъали* [мать-PL], *ацци-хъали* [дядя-PL] и др. С другой стороны, и некоторые формы со стандартными плюральными суффиксами у отдельных (но не у всех) носителей могут получать ассоциативную интерпретацию (ср. *Гела ттут-бе* [ты:GEN отец-PL] ‘твои родители’); правда, что интересно, по-видимому, подобные формы могут указывать исключительно на лексически мотивированную ассоциативность родства.

Некоторые выводы. Можно констатировать, что в тантинском даргинском исходный семантически мотивированный контраст между показателями аддитивной множественности и показателем ассоциативной множественности *-хъали* был переосмыслен как чисто формальная оппозиция: имена, прототипически выступающие в качестве исходных для образования ассоциативных форм, а именно имена собственные и термины родства, в тантинском даргинском могут принимать показатель *-хъали* независимо от типа выражаемой множественности. Это в свою очередь привело к тому, что семантическое противопоставление ассоциативной и аддитивной множественности потеряло формальную подоплеку; в результате ассоциативность теперь может выражаться и в обычных формах множественного числа, образованных от имен с уникальной референцией, – естественно, впрочем, лишь там, где такие формы имеются (т.е. в зоне терминов родства).

Стоит специально обратить внимание на то, что хотя использование бывших ассоциативных форм для выражения аддитивной множественности и отмечено в

литературе (например, в чирагском и мегебском диалектах: ср. чирагские формы *азайни-хъале* ‘пироги’, *адми-хъале* ‘люди’ [Мусаев 1980: 50; Кибрик, Кодзасов 1990: 282], мегебские формы *абай-хъале* ‘матери’, *адай-хъале* ‘отцы’ [Хайдаков 1985: 23]), возможность – пусть и окказиональная – употребления форм с обычными суффиксами множественного числа для передачи ассоциативной семантики до сих пор, кажется, не была зафиксирована в даргиноведческих исследованиях.

Сокращения

APUD – локализация Apud (‘около’); GEN - генитив; NPL – согласователь множественного числа класса человека; OBL – показатель косвенной основы; PL – множественное число; PRET – претерит.

Литература

- Абдуллаев З. Г. 1993. *Даргинский язык. II. Морфология*. М.: Наука.
- Абдуллаев С. 1954. *Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология)*. Махачкала.
- Гасанова С. М. 1971. *Очерки даргинской диалектологии*. Махачкала.
- Даниэль М. А. 2000. Типология ассоциативной множественности. Канд. дисс. М., РГГУ.
- Кибрик А. Е., Кодзасов С. В. 1990. *Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика*. М.: Изд. МГУ.
- Мусаев М.-С. М. 1980. *Именное словоизменение даргинского языка (категория числа)*. Махачкала: Дагучпедгиз.
- Темирбулатова С. М. 2004. *Хайдакский диалект даргинского языка*. Махачкала.
- Хайдаков С. М. 1985. *Даргинский и мегебский языки (принципы словоизменения)*. М.: Наука.
- Harris A. 2007. External modifiers in Georgian // *On-line Proceedings of the Fifth Mediterranean Morphology Meeting (MMM5)*. Bologna: University of Bologna. [<http://mmm.lingue.unibo.it/>]
- Sumbatova N., Mutalov R. 2003. *A Grammar of Itsari Dargwa*. München/Newcastle: Lincom Europa.